Е.С. РОСЛЯКОВ
(Омск)

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ) В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х годов

Рассматривается процесс возникновения и развития оценок митрополита Антония (Храповицкого) в советской историографии 1920–1930-х гг. Анализируется подход представителей официальной государственной атеистической идеологии к одному из самых известных деятелей русской церкви первой трети XX в. В это время был сформирован определенный набор характеристик митрополита Антония, сохранившийся на протяжении всего советского периода.

Ключевые слова: *митрополит Антоний (Храповицкий), Русская зарубежная церковь, Русская православная церковь, советская историография, идеология, пропаганда.*

Митрополит Антоний (Храповицкий) занимает одно из самых значительных мест в истории русской церкви конца XIX – первой трети XX в. При этом его деятельность долгое время была предметом острой полемики. Очень сильное влияние на восприятие его образа оказали споры вокруг возглавлявшейся им Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ).

Спецификой советской историографии того периода церковной истории, который касался деятельности митрополита Антония, была его непосредственная хронологическая связь с историей большевистской партии, революционного движения и становления Советской власти, т. е. важнейшими темами советской истории. Поэтому при обращении к этой проблеме идеологическая составляющая, бывшая характерной чертой советской исторической науки, значительно усиливалась. Естественными чертами образа практически любого церковного деятеля для советских идеологов были монархизм, антинародная деятельность – помощь царизму в угнетении рабочего класса, контрреволюционная деятельность. Образ митрополита Антония в работах советских авторов также укладывался в эту схему. Особенностью, усиливавшей интерес к Антонию и жесткость формулировок по отношению к нему, была его эмигрантская деятельность.

Обращение к фигуре митрополита Антония в работах советских авторов происходило в контексте активной борьбы с церковью в Советской России. Окончание Гражданской войны, переход к нэпу знаменовали новый этап идеологической борьбы. Разобравшись с открытой контрреволюцией, Советская власть стала бороться с «контрреволюцией в умах» [19, с. 157]. Отдельное внимание было уделено церкви.

Церковь как социальный институт в глазах большевиков была важнейшей опорой царизма, т. е. одним из классовых врагов новой власти, а после ее утверждения – одной из главных контрреволюционных сил, сохранившихся к началу 1920-х гг.: «Контрреволюция, сокрушенная железной рабоче-крестьянской рукой на фронтах, затаилась в уцелевшем тесном подвале царско-дворянского жилого дома – в церковной организации. Эта организация перешла к нам по наследству неизменной» [7, с. 1]. Следовательно, борьба с церковью была практической необходимостью Советской власти. Зарубежная церковь же представляла отдельную опасность, т. к. была связана с Белым движением и с эмиграцией, настроенной антисоветски.

Реакция на образование церковной организации за границей в Советской России проявилась в контексте попытки «обновленческого раскола» русской церкви. Л. Троцкий – идеолог раскола церкви – в записке в Политбюро писал, что в церкви есть два основных течения: «…открыто контрреволюционное с черносотенно-монархической идеологией и – “советское”. Идеология “советского” духовенства, по-видимому, вроде сменовеховская, т. е. буржуазно-соглашательская» [2, с. 163]. Именно на эту часть духовенства делалась ставка для борьбы с церковным руководством. На основе таких теоретических построений проходила газетная кампания 1922 г. При этом Троцкий в инструкции для печати в конце марта критиковал уже вышедшие статьи на церковную тему. Они, по его мнению, должны были быть направлены не «против духовенства вообще», а конкретно против руководства церкви. Главной задачей «момента» он называл раскол в среде духовенства – «поддержать... низы против верхов, дать им понять и почувствовать, что государство не позволит

© Росляков Е.С., 2016

верхам терроризировать их…» [2, с. 251]. Общим фоном для газетной кампании служила кампания по изъятию церковных ценностей.

Деятельность зарубежной церкви и митрополита Антония для советской пропаганды была еще одним поводом обвинить церковь в контрреволюционности и политичности. В целом религиозный фактор, имевший большое значение в деятельности эмиграции, в восприятии ее советскими руководителями также играл немалую роль. Так, П.А. Красиков, называя эмиграцию «сплошной духовной семинарией», писал: «... религия для них старое, испытанное орудие порабощения и контрреволюционного развращения народа… Все эти графы Палены, посланники Палеологи, Валяй-Марковы, митрополиты Антонии, трегубовцы, толстовцы, врангелевцы, деникинцы и т. п., и т. п. готовы все соединиться единым религиозным фронтом, дабы вновь обратить русского крестьянина к религии, все равно к какой» [12, с. 204–208].

Главная цель государственной пропаганды в тот момент – церковное руководство во главе с патриархом. Атака шла по двум основным направлениям. С идейных позиций церковь представлялась институтом реакционным: она была опорой царского режима в прошлом, контрреволюционна в настоящем, ее интересы противоречат интересам народа. Антинародная сущность церкви, по мнению советских авторов, проявлялась в ее реакции на голод в стране и кампанию по изъятию церковных ценностей. В обоих аспектах звучала тема зарубежного духовенства и непосредственно митрополита Антония: идейное единство Антония (Храповицкого) и патриарха Тихона, а также непосредственная связь церковной эмиграции с руководством церкви.

На страницах советской печати церковное руководство представлялось церковной аристократией, «князьями церкви». Ему противопоставлялись «простецы» – большая часть рядового священства, которая во многом разделяет позиции «прогрессивного духовенства» и не идет за патриархом Тихоном [11, с. 1]. Церковь, оставаясь прежней, не может быть единой с народом. А руководство церкви, оставаясь прежним, становится вне церкви. И митрополит Антоний здесь фигурирует как один из главных примеров подобной ситуации: «Политика верхов Церкви приводит всегда к нежелательным результатам и ставит их вне церкви, как это было с митрополитом Антонием, ныне находящимся за границей, и как это имеет место теперь с другими…» [22, с. 2]. То есть Антоний на страницах газет представал ярким, состоявшимся примером антинародного церковника.

Представление о связи патриарха и зарубежного духовенства – важнейшая часть пропаганды. Сначала на страницах печати эта связь была показана как идейное единство (в России «князья церкви» не высказываются открыто, «но там, где они могут, они не скрывают своих истинных желаний, как, например, на заграничном съезде в Карловицах» [11, с. 1]). Но уже вскоре она стала представляться как согласованные действия для свержения с помощью голода Советской власти, печать сообщала о «контрреволюции под церковным флагом» [14, с. 2]. Если в начале 1922 г. П.А. Красиков на страницах журнала «Революция и Церковь» писал, скорее, о едином антисоветском настрое духовенства в России и за рубежом [13, с. 153–155], то в майском номере «Известий» он уже сообщал о «каннибальских директивах Валяй-Маркова и пресловутого Антония», данных патриарху Тихону [14, с. 2]. Появилось понятие «тихоновщина», включавшее в себя контрреволюционные элементы в церкви – и в России, и в эмиграции. Другой термин – «тихоновцы» – в свете обновленческого раскола означал последователей патриарха Тихона, «староцерковников», не обновленцев. Зарубежное духовенство 1920-х гг. в советской терминологии – это тоже «тихоновцы».

Таким образом, на начальном этапе советской историографии обращение к фигуре митрополита Антония происходило в контексте реализации обновленческого раскола. Обновленцы стали одним из важных факторов антицерковной кампании. Они вели активную пропаганду, на их работы ссылались в печати. Главной чертой обновленческой историографии было противопоставление монархической антиреволюционной части церкви (главным образом, епископата) и «свободной» ее части, принявшей революцию.

Говоря о связи зарубежного духовенства с церковным руководством, советские авторы часто преувеличивали административные полномочия митрополита Антония. Его называли «наместником» патриарха, назначенным Тихоном «м[итрополитом] всех правосл[авных] заграничн[ых] церквей» [15, с. 3; 20, с. 302].

Оценки российского и зарубежного духовенства были зафиксированы в докумен-

тах следственного дела патриарха Тихона. Одним из пунктов обвинения, предъявленных патриарху, была его связь с зарубежным духовенством и одобрение их антисоветских заявлений. Зарубежное духовенство характеризовалось как наиболее реакционная часть русской церкви, состоящая преимущественно из черносотенцев-монархистов [21, с. 189].

Советские авторы в 1920-е гг. воспринимали митрополита Антония как действительно значительную фигуру в русской церкви, а его личный авторитет порой ставили выше авторитета патриарха. Так, Красиков цитировал обновленческий журнал «Живая Церковь»: «…вернись Антоний с помощью румынского, французского и польского штыка, и церковь ваша покорно склонит перед этим помещиком в рясе свою шею» [14, с. 2]. Слава Антония как консерватора, черносотенца, известного на всю Россию, позволяла представить яркий образ врага Советской власти, тогда как дореволюционная деятельность будущего патриарха была гораздо менее публичной. Вот как в 1922 г. один из авторов в центральной печати сравнивал двух претендентов на патриарший престол: «Тихон Белавин и Антоний Храповицкий. Не отмеченный ни трудами, ни особенными дарованиями ученик и его “прославленный” учитель по академии. Рядовой ставленник высшего духовенства и “творец” патриаршей идеи в наши дни. Тихона было решено выдвинуть “на счастье” против опасного честолюбца» [5, с. 2]. В то время ещё свежа была память об Антонии (Храповицком) – епископе Волынском, ярком публицисте, богослове, причастном к деятельности Союза русского народа, известном далеко за пределами церковных кругов.

Черносотенство – важнейший признак, определяющий в советской историографии Антония (Храповицкого). Подавляющее большинство упоминаний митрополита Антония в 1920–1930-е гг. содержали эту характеристику. Общая классификация церковного руководства как черносотенно-монархического естественным образом выводила фигуру Антония на передний план. Корни подобного восприятия имели несколько аспектов. Во-первых, черносотенцы были прямыми врагами революционного движения – это «партия помещиков, партия царя» [18, с. 1]. Во-вторых, большевики трактовали первенствующую роль православной церкви как религиозное угнетение представителей иных конфессий. Сюда же добавлялся национальный вопрос. Национальную политику царской России большевики считали угнетением национальностей через русификацию. Роль церкви в этом вопросе трактовалась как насилие над совестью путем вовлечения в православие [17, с. 22–23]. Антоний (Храповицкий) в Большой советской энциклопедии был представлен как «самый тупой русификатор» [3, с. 92].

Представленный в пропагандистских работах 1920-х гг. и документах следственного дела взгляд на проблему зарубежного духовенства, когда оно рассматривалось как организационное целое с церковью в России, стал на долгое время основным подходом в работах советских авторов.

Еще один комплекс источников, в которых фигурировало имя митрополита Антония, – это отклики на антисоветские выступления зарубежного духовенства (обращение митрополита Антония к русским воинам, подготовка к Всезарубежному съезду) [4, с. 26; 23, с. 4–5; 24, с. 3–5]. Работы выходили в массовых журналах и имели сатирический характер, в них использовались карикатуры, стихи. Они подчеркивали антинародную сущность деятелей церкви, заинтересованных «в угнетении трудового народа» [23, с. 4]. В этих работах кратко сообщалось об истории образования зарубежной церкви, ее «белогвардейском» характере.

Новый этап обсуждения церковной проблематики, а в ее рамках и фигуры Антония (Храповицкого) связан с коренными изменениями в стране, начавшимися в конце 1920-х гг. Перестройка в части мировоззрения требовала максимального снижения влияния церкви. Если атака на церковь начала 1920-х гг. была, в первую очередь, ударом по церковному руководству, попыткой церковного раскола, то с конца 1920-х гг. наступление уже велось на церковь и религиозное сознание в целом. В историческую концепцию был встроен тезис о классовой сущности церкви.

С конца 1920-х гг. резко возросло количество антицерковных изданий. Интересующая нас тема получила освещение в отдельных монографиях и многочисленных статьях, главным образом, в научно-методическом журнале «Антирелигиозник». В историографии этого периода основными темами церковной истории конца XIX – начала XX в. оставались контрреволюционность церкви и ее содействие царскому режиму. Историческими периодами, аккумулирующими основное внимание, были революции 1905-го и 1917 гг. Имя митрополи-

та Антония возникало как подтверждение реакционного характера церкви в царской России и ее дальнейшей контрреволюционности [1, с. 46–49; 8, с. 26–27]. Это было одним из факторов обращения к имени митрополита Антония. Любые выступления церковных деятелей, выходившие за рамки большевистского понимания исторического блага, рассматривались как зло. Так, например, обращение архиепископа Антония с патриотической речью к воинам рассматривалось как потакание «империалистической войне» [10, с. 5].

Другой фактор заключался в пересмотре исторической концепции М.Н. Покровского. Одним из звеньев критики Покровского была «большевистская разработка» истории Гражданской войны, которая подчеркивала важнейшую роль интервенции [6, с. 2–3]. «Религиозная контрреволюция» стала рассматриваться как важное звено интервенции в период Гражданской войны и ее попыток в последующие годы. Митрополит Антоний фигурировал как один из организаторов антисоветского фронта [9, с. 143], а решения Карловацкого Собора подавались как «влияние капиталистического окружения» [16, с. 10].

Таким образом, работы советских авторов 1920–1930-х гг., посвященные митрополиту Антонию (Храповицкому), носили пропагандистский и чрезвычайно упрощенный характер. Это было время работы Союза воинствующих безбожников и именно с воинствующих позиций смотрели на церковь как на институт, подлежащий ликвидации. Авторы критиковали РПЦЗ в основном через призму «антисоветской» деятельности всей русской церкви – так называемой «тихоновщины». Никак не повлиял на этот подход и факт осуждения сначала патриархом Тихоном, а затем митрополитом Сергием (Страгородским) деятельности зарубежной церкви, а также запрещение служения ряду ее иерархов. Существовавший в первой половине 1930-х гг. «Журнал Московской Патриархии», выражавший отношение к зарубежной церкви и Антонию (Храповицкому) (находившийся, естественно, в абсолютной зависимости от власти), никак не влиял на официальное историографическое поле.

Церковь против народа – основной мотив историографии этого периода, и митрополит Антоний фигурировал в качестве яркого доказательства этой мысли. Антоний (Храповицкий) вместе со всей русской церковью оказывался вне сферы прогрессивного исторического развития – в области преодоленной, побежденной истории.

Список литературы

1. Амосов Н. Октябрьская революция и церковь (материалы для докладчиков и беседчиков) // Антирелигиозник. 1937. № 10.
2. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1995. Кн. 1.
3. Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 3.
4. В стане белых эмигрантов // Безбожник у станка. 1924. № 12.
5. В.И. Белавин (патриарх Тихон) (политический некролог) // Известия. 1922. 2 июня.
6. За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6.
7. К ответу! // Правда. 1922. 28 марта.
8. Кандидов Б. Контрреволюционная деятельность церкви в дни Октябрьской социалистической революции // Антирелигиозник. 1937. № 10.
9. Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918–1920 гг. и интервенция (очерки и материалы). М., 1930.
10. Кандидов Б. Роль религии в империалистической войне // Безбожник. 1926. № 4.
11. Князья и простецы // Известия. 1922. 26 марта.
12. Красиков П.А. И мытьем, и катанием // Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М., 1970.
13. Красиков П.А. Голод и христианство // Красиков П.А. Избранные атеистические произведения. М., 1970.
14. Красиков П.А. Спасение церкви // Известия. 1922. 3 мая.
15. Л.Н. Подвиги христианские // Известия. 1922. 9 мая.
16. Материалы в помощь изучающим историю ВКП (б) // Антирелигиозник. 1940. № 2.
17. Мегружан Ф., Коган Ю. Ленин о свободе совести // Антирелигиозник. 1937. № 1.
18. Межов А. Генштаб контр-революции // Известия. 1922. 6 мая.
19. Общественная мысль русского зарубежья. М., 2009.
20. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства. Л., 1927. Т. VII.
21. Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000.
22. Токарь. Раскол православной церкви и киевское духовенство // Правда. 1922. 2 июня.
23. Усагин А. Святые отцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 2.
24. Филатов Р. Тихоновцы за границей // Безбожник у станка. 1925. № 12.

* * *

1. Amosov N. Oktjabr'skaja revoljucija i cerkov' (materialy dlja dokladchikov i besedchikov) // Antireligioznik. 1937. № 10.

2. Arhivy Kremlja: Politbjuro i Cerkov'. 1922–1925 gg. M.; Novosibirsk, 1995. Kn. 1.

3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M., 1926. T. 3.

4. V stane belyh jemigrantov // Bezbozhnik u stanka. 1924. № 12.

5. V.I. Belavin (patriarh Tihon) (politicheskij nekrolog) // Izvestija. 1922. 2 ijunja.

6. Za bol'shevistskuju razrabotku istorii grazhdanskoj vojny // Bor'ba klassov. 1932. № 6.

7. K otvetu! // Pravda. 1922. 28 marta.

8. Kandidov B. Kontrrevoljucionnaja dejatel'nost' cerkvi v dni Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii // Antireligioznik. 1937. № 10.

9. Kandidov B. Religioznaja kontrrevoljucija 1918–1920 gg. i intervencija (ocherki i materialy). M., 1930.

10. Kandidov B. Rol' religii v imperialisticheskoj vojne // Bezbozhnik. 1926. № 4.

11. Knjaz'ja i prostecy // Izvestija. 1922. 26 marta.

12. Krasikov P.A. I myt'em, i kataniem // Krasikov P.A. Izbrannye ateisticheskie proizvedenija. M., 1970.

13. Krasikov P.A. Golod i hristianstvo // Krasikov P.A. Izbrannye ateisticheskie proizvedenija. M., 1970.

14. Krasikov P.A. Spasenie cerkvi // Izvestija. 1922. 3 maja.

15. L.N. Podvigi hristianskie // Izvestija. 1922. 9 maja.

16. Materialy v pomoshh' izuchajushhim istoriju VKP (b) // Antireligioznik. 1940. № 2.

17. Megruzhan F., Kogan Ju. Lenin o svobode sovesti // Antireligioznik. 1937. № 1.

18. Mezhov A. Genshtab kontr-revoljucii // Izvestija. 1922. 6 maja.

19. Obshhestvennaja mysl' russkogo zarubezh'ja. M., 2009.

20. Padenie carskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj Sledstvennoj Komissii Vremennogo pravitel'stva. L., 1927. T. VII.

21. Sledstvennoe delo patriarha Tihona. Sbornik dokumentov po materialam Central'nogo arhiva FSB RF. M., 2000.

22. Tokar'. Raskol pravoslavnoj cerkvi i kievskoe duhovenstvo // Pravda. 1922. 2 ijunja.

23. Usagin A. Svjatye otcy za granicej // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 2.

24. Filatov R. Tihonovcy za granicej // Bezbozhnik u stanka. 1925. № 12.

Bishop Antonyi(Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920–1930s

The article deals with the origins and development of evaluation of Bishop Antonyi (Khrapovitsky) in the Soviet historiography in the 1920-1930s. The author analyzes the approach of the representatives of the official state atheistic ideology to one of the most famous figures of the Russian Church of the first third of the XX century. Some definite features of Bishop Antonyi were found out then; they were kept during the whole Soviet period.

Key words: *Bishop Antonyi (Khrapovitsky), the Russian Foreign Church, the Russian Orthodox Church, Soviet historiography, ideology, propaganda.*

(Статья поступила в редакцию 11.07.2016)

О.В. ГАЛКОВА, И.А. ПЕТРОВА
(Волгоград)

КОНЦЕПЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ М. БЛОКА

Раскрывается роль одного из лидеров старшего поколения школы «Анналов» Марка Блока, стоявшего у истоков изучения «истории ментальностей» как самостоятельного направления исторического познания, в формировании концепции менталитета.

Ключевые слова: *менталитет, ментальность, «новая история», школа «Анналов».*

Вклад школы «Анналов» в развитие исторической науки XX в. признается сегодня большинством ученых, российский ученый-медиевист и культуролог А.Я. Гуревич оценил его как «подлинную революцию в области исторического знания» [14], британский историк культуры и медиевист, профессор Кембриджского университета П. Берк – как французскую историческую революцию [25]. Заложив в основу цивилизационный подход к изучению истории, историки школы «Анналов» сформулировали новые проблемы исторической науки и предложили принципиально новую методологию [22; 26] изучения

© Галкова О.В., Петрова И.А., 2016